

Дикий носок

РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дикий Носок

Расходный материал

«Автор»

2019

Дикий Носок

Расходный материал / Дикий Носок — «Автор», 2019

Как быть, если Ваша бабушка вдруг оказалась ведьмой? Да не доброй волшебницей, а самой что ни на есть коварной, мстительной и зловредной старухой. От такой нужно держаться подальше, скажите Вы. Вот только у нее на Вас есть свои планы. Содержит нецензурную брань.

© Дикий Носок, 2019

© Автор, 2019

Дикий Носок

Расходный материал

Эта книга написана за время карантина по коронавирусу. Убить такое количество свободного времени было непросто.

«Кошмар! Лизун, подъем! Мы снова проспали,» – пиная запутавшееся в ногах одеяло и одновременно трясая телефон, простонала Маша. Телефон был полностью разряжен и потому безнадежно мертв. Вот ведь странность. Она всегда забывает поставить телефон на зарядку именно в ночь с воскресенья на понедельник. Хотя почему странность? Закономерность. За выходные расслабляешься, кайфуешь от осознания того, что ближайшие два дня никому ничего не должна, и забываешь даже о такой малости. Голова, коснувшаяся подушки вчера, точнее сегодня во втором часу ночи (не могла оторваться от сериальчика, пока не досмотрела сезон до конца), никак не хотела включаться.

«Так,» – сжала виски руками Маша. – «Перво-наперво – телефон.» Воткнув в него зарядку, она босиком побежала в ванную комнату, на ходу нарочито грозным голосом продолжая будить Лизу.

Лизун, как и всякий нормальный шестилетний ребенок, на её утренние вопли никак не отреагировала, продолжая спать, уютно посапывая в кулачок. Самым верным способом поднять её с постели, причем в хорошем настроении без слез и капризов, было ласково пощекотать её за пяточки. Один раз, другой, третий и так до тех пор, пока она, залиvisto хохоча, на начнет сучить розовыми пятками. Мероприятие гарантировало желанный результат, но требовало терпения и десяти – пятнадцати минут времени. А его то как раз и не было.

Маша выскочила из ванны через десять минут, поставив рекорд по скорости осуществления водных процедур, и обнаружила по-прежнему безмятежно спящего ребенка. Словно Александр Матросов на амбразуру, она ринулась поднимать Лизу, точно зная, что утренний скандал, который испортит настроение им обоим, неизбежен.

Через четверть часа частично одетая, хмурая, как ноябрьский день за окном, Лиза лениво и нарочито медленно вылавливала хрустящие шоколадные шарики из молока, а Маша пыталась натянуть на безвольно болтающиеся пухлые ножки колготки. Конечно, дочь давно могла одеться без посторонней помощи, но сейчас, будучи сонливой, раздраженной и, как следствие, вредной, потратит на эту процедуру кучу времени, в целях экономии которого и пришлось одевать её самой.

«Лизун, ну помоги же мне,» – взмолилась Маша. – «А вечером зайдём в канцтовары и купим тебе новые фломастеры.» Подкуп был испытанным, хорошо зарекомендовавшим себя способом добиться от ребенка требуемого.

«И альбом. С котятами,» – неожиданно деловито потребовала дочь.

«Не вопрос,» – охотно согласилась Маша, радуясь, что отделается малой кровью.

Дело тут же пошло на лад. Лиза сунула в рот ложку хлопьев и принялась натягивать колготки. Маша положила рядом с дочерью на диванчик её джинсы, украшенные разноцветной вышивкой и, выдохнув, занялась своими делами.

Неповторимый в своей наглости кот, накормленный сегодня, впрочем, как и всегда, первым, свернулся клубочком на гладильной доске, прямо поверх отутюженной вчера блузки. Прокляв его самыми страшными клятвами, Маша скоренько принялась вновь елозить утюгом. В этот момент ожил и затренькал предатель-телефон.

Номер был незнакомым, поэтому Маша с чистой совестью отклонила звонок, как делала всегда в подобных случаях, опасаясь всевозможных телефонных мошенничеств. Словно пытаясь реабилитироваться за утреннее молчание, телефон затренькал вновь.

«Приспичило кому-то,» – равнодушно подумала Маша, распечатывая упаковку новеньких, вкусно пахнущих плотных колготок, и снова отклонила звонок.

«Да,» – сердито рявкнула она в трубку, когда все тот же настойчивый абонент позвонил в третий раз.

«Мария Александровна?» – осведомился нейтрально-вежливый мужской голос.

«Да, слушаю Вас,» – подтвердила Маша, зажав телефон плечом около уха и сражаясь с молнией на сапоге. Лиза уже, сопя, застегивала куртку.

«Здравствуйте, Мария Александровна! Меня зовут Игорь Сергеевич. Я представляю интересы юридической фирмы «Мирошкин и К». Наша фирма уже пятнадцать лет представляет интересы физических и юридических лиц в различных сферах ...»

«Простите, меня все это не интересует,» – бесцеремонно прервала навязчивое рекламное масло масляное Маша, отключила телефон, бросила его на полочку в коридоре и, наконец-то двумя руками застегнула сапоги.

В результате, когда они все-таки вывалились из подъезда, то опаздывали уже на двадцать минут. Маша не успела накраситься и хоть как-то уложить волосы, стянув их в несерьезный хвостик, не прихватила ничего на обед (а значит, придется бежать в обеденный перерыв в магазин) и благополучно забыла на полочке в коридоре телефон, о чем вспомнила лишь на работе ближе к обеду.

Несмотря на ужасно начавшееся утро, день оказался вполне сносным, обычным. Лизун, сменив гнев на милость в предвкушении нового альбома с котятами, не капризничала и соизволила переодеться в детском саду сама. Маша поздоровалась с привычной ко всему воспитательницей и убежала. На работу она почти не опоздала. Пять минут – сущая ерунда, особенно если начальница отдела Зинаида Викторовна соизволила появиться лишь спустя полчаса после начала рабочего дня. О чем и предупредила Машу словоохотливая техничка Татьяна, не торопясь возя мокрой тряпкой по ступеням лестницы: «Не торопитесь, Машенька. Ваша то еще не пришла. А ступени скользкие, мокрые пока. Осторожнее.»

Фамильярность обращения Машу несколько коробила. Почему-то многие пожилые люди считают возможным такой покровительственно-фамильярный тон в общении со всеми, кто моложе их хотя бы на десять лет. Очевидно, полагали – возраст дает им это преимущество. Золотозубая, бодрая пенсионерка Татьяна Михайловна, мывшая полы в их богоугодном заведении совсем недавно, тоже была из их числа. Но, поскольку бабка была безвредная, Маша лишь вежливо поздоровалась и заспешила вверх по лестнице.

Опоздание Зинаиды Викторовны объяснялось тем, что руководитель областного статистического управления, где и трудилась Маша, убыла в Питер: то ли на конференцию, то ли на семинар, то ли на еще какое приятно-начальственное мероприятие, на целых три дня. Проводились эти командирские сходки обычно в городах туристически привлекательных, и, несмотря на серьезность названия, располагали к отдыху, винопитию и неформальному общению в тесном начальственном кругу. Ну а как известно: кот из дома – мыши в пляску. Подчиненные тоже могли передохнуть.

Новая начальница стат. управления – дама молодая (всего то года на четыре старше Маши), амбициозная, знающий профессионал (большая редкость для мигрирующих с должности на должность «эффективных» менеджеров) с кандидатской степенью по экономике была для их конторы подобно камню, брошенному в стоячее болото. Особенно шокированы её появлением были тетушки, просидевшие здесь толстыми задами до дыр уже по паре кресел. Мысль о том, чтобы стряхнуть пыль, смести сонную паутину и выйти из зоны комфорта вызывала у них поначалу оторопь своим кощунством, а затем и бурный протест. Маша лишь похихикивала в кулачок, наблюдая за ними. Её перемены не пугали. В силу возраста и небольшого стажа работы в этом учреждении, она еще не успела зарастить мхом и покрыться плесенью. Да и не собиралась задерживаться здесь надолго. Статистическое болото было идеальным местом,

чтобы пересидеть декрет и период дошкольного образования, когда ребенок часто болеет. Заработная плата пусть и небольшая, но совершенно официальная, больничные с ребенком – без проблем. Маша наметила для себя, что как только Лиза пойдет в школу в следующем году, то она найдет себе нормальную работу: без социальных гарантий, с заработной платой в конверте, денежную. Сейчас Маша с Лизой жили на зарплату и алименты (к счастью, регулярные). Если не шиковать, то на жизнь в режиме постоянной экономии хватало.

День прошел спокойно. Зинаида Викторовна (она же за глаза просто Зинаида) клюкнула уже в обеденный перерыв. Вернувшись из магазина, Маша застала её с довольно поблескивающими, масляными глазками и весьма благодушно настроенную. Даже жаль, что ей не нужно отпрашиваться на утренник в детском саду или в поликлинику. Сегодня этот номер прокатил бы на ура.

Их отдел занимал один большой кабинет на втором этаже трехэтажного офисного здания. Судя по планировке, раньше здесь было учебное заведение. Уж больно оно было похоже на школу, большие, просторные кабинеты располагались по обе стороны широкого коридора, с двух сторон сползающего в излишне – монументальные лестницы. Здание было старым, со скрипучими деревянными полами, высокими потолками, засиженными мухами, усыпляюще-мерно гудящими лампами дневного света. Уже только от этого тянуло залечь в берлогу и впасть в спячку с 9 до 18. Примерно без четверти шесть учреждение просыпалось, встряхивалось, точно мокрая собака, меняло удобные туфли на уличные сапоги и на низком старте дожидалось часа X. Без одной минуты шесть начинали хлопать массивные двери, звенеть ключи и торопливо цокать по коридорам разномастные каблучки.

Маша не была исключением. По окончании рабочего дня она неслась со всей возможной на каблучках скоростью на остановку, втискивалась в первую же подходящую маршрутку, невзирая на протесты ранее туда впахнувшихся, и около получаса ехала домой, стоя на одной ноге или уткнувшись в чью-нибудь потную подмышку. Вывалившись из маршрутки, Маша быстро-быстро бежала в детский сад, где трое-четверо ребятишек понуро бродили на площадке, поджидая родителей. А также била копытом с выражением явного нетерпения на лице воспитательница, будучи уже в полной боевой готовности. Весь её плохо сдерживаемый гнев и раздражение выливались на того несчастного родителя, кому не повезло забирать ребенка последним. Нет, она ничего не говорила, конечно. Но вздыхала столь выразительно, а губы поджимала так презрительно, что Маша – одна из злостных «опаздашек» чувствовала себя величайшей грешницей. Но сегодня она была не последней. Кроме радостно подпрыгивающей Лизы на площадке остался враз погрузневший Макар – её закадычный садиковский друг.

Как умудрялись остальные родители забирать детей раньше, для Маши оставалось загадкой. Ведь не у всех есть бабушки на подхвате. А если рабочий день до 18, как у неё, то даже летя на крыльях, она не может оказаться в детском саду ранее 18.45. Родители Макара с этой задачей тоже справлялись из рук вон плохо. Его рыжая макушка торчала над забором, провожая беззаботную подружку.

Только ухватив Лизину мягкую ладошку в яркой перчатке и выйдя за ограду детского сада, Маша выдохнула. День кончился. Можно расслабиться и получить удовольствие. Обещанные фломастеры и альбом с котятами для Лизы, куриная грудка на ужин, несколько упаковок йогурта на завтрак, мороженое – бонус для ребенка за хорошее поведение, восемь пропущенных звонков на забытом дома телефоне. Утренний Игорь Сергеевич оказался на редкость настойчив. Все звонки были от него. Вот упертый товарищ. Видать, сильно ему приспичило.

Облачившись в уютный домашний халатик, Маша помыла куриную грудку, посолила, поперчила, плюхнула её в стеклянную форму и засунула в духовку. Это бесхитрое блюдо, дополненное любым гарниром или вовсе без него, послужит и ужином, и завтрашним обедом для Маши. А главное – готовится оно совершенно самостоятельно, пока Маша отмокает в

душе и гладит свежую блузку на завтра. За Лизу можно было не переживать. Облизывая рожок мороженого, она с упоением пачкала фломастерами новый альбом.

Называя дочь шесть лет назад царственно красивым именем Елизавета, Маша очень переживала, что ее неизбежно будут дразнить. Сама она все школьные годы именовалась не иначе, как «Машка – какашка». Относительно дочкиного имени в голове сразу возникало «Лиза – подлиза». Лучше, чем какашка, но все равно неприятно. Конечно, к любому имени можно подобрать обидную дразнилку, и не одну. Но больше всех достается обычно обладателям редких имен. Например, Маша, учась в школе, оказалась единственной обладательницей этого имени. Тогда оно было не в моде, девочек называли Ирами, Ленами и Наташами. Елизавете повезло больше. Когда родилась она, на пике популярности было имя Анастасия. Насти множились, как собачье дерьмо под стаявшим снегом, настойчиво заполняя группы детских садов и создавая проблемы воспитательницам, вынужденным обращаться к девочкам по фамилиям. Елизаветы тоже встречались. В каждой группе непременно находилась парочка. Ирины и Наташи канули в лету до следующего витка моды. Их место плотно сомкнутыми рядами заняли Даши, Насти, Лизы и Ульяны.

Маша успела постоять под душем, выгладить блузку, и даже зашить невесть откуда взявшуюся дырку на новых колготках, когда затренькал телефон. Ни секунды не сомневаясь, что это Игорь Сергеевич из какой-то там юридической фирмы, Маша приложила телефон к уху.

«Добрый вечер, Мария Александровна.» – нейтрально-вежливым тоном продолжила утренний разговор трубка.

«Добрый,» – покорно согласилась Маша.

Набравшись терпения, она выслушала от начала до конца монолог Игоря Сергеевича и, воспользовавшись крохотной паузой, вставила свои пять копеек: «И чем же я могу Вам помочь?»

«Напротив, это я могу Вам помочь. Мария Александровна, я уполномочен выполнить поручение одной из наших клиенток, которое непосредственно касается Вас. И для этого специально приехал в город.»

Маше стало дико неудобно перед добросовестным Игорем Сергеевичем, который целый день пытался выполнить свое поручение. А она его сначала отфутболила, а потом и вовсе телефон забыла. Некрасиво получилось.

«Что за поручение? Я ничего не понимаю.»

«Позвольте мне объяснить Вам все при личной встрече. Это не телефонный разговор. К тому же я должен передать Вам кое-какие э ... вещи покойной.»

«Покойной?» – удивленно переспросила Маша.

«Да,» – флегматично подтвердил Игорь Сергеевич. – «Когда Вам будет удобно со мной встретиться?»

Проявив осмотрительность, приглашать домой неизвестного гостя Маша не стала, назначив ему встречу на следующий день во время обеденного перерыва в Макдональдсе неподалеку от работы.

Игоря Сергеевича она опознала сразу. Он оказался совсем еще молодым человеком лет двадцати пяти и идеально соответствовал своему голосу: безэмоциональный, отстраненный, бесцветный, словно сросшийся со своим немарким серым костюмом, с невыразительным лицом и незапоминающейся внешностью в целом. У него не было совершенно никаких особых примет, за которые мог бы зацепиться глаз. Будь Игорь Сергеевич преступником, никто и никогда не сумел бы его опознать. Его лучше всего характеризовало слово «никакой». Молодой человек сидел за столиком, роясь в своем телефоне. Перед ним стояла картонная коробка среднего размера. Когда Маша приблизилась, он встал, поприветствовал её, подождал, пока она сняла куртку и устроилась напротив, и снова сел.

«Итак, Мария Александровна,» – безотлагательно приступил он к делу. – «Клиентка нашей фирмы Бояринова Надежда Михайловна ...»

«Это она покойная?» – неожиданно для самой себя охнула Маша, перебив терпеливого юриста.

«Да,» – печальным, сообразно случаю голосом подтвердил Игорь Сергеевич. – «Сочувствую Вашей утрате. Ваша родственница, как я понимаю?»

«Дальняя,» – кивком подтвердила Маша.

«Так вот. Бояринова Надежда Михайловна уполномочила нашу фирму передать вам некоторые вещи после её смерти.»

«Наследство?» – изумленно приподняла брови Маша.

«Фактически можно и так сказать, но юридически – нет. Вам не нужно вступать в права наследования и совершать каких-либо других юридических действий. Всего лишь расписаться здесь в получении,» – ловко, как фокусник подsunул он Маше документ, который она и подмахнула услужливо поданной ручкой. – «Расценивайте это как ... скажем посылку.»

«Посылку с того света?» – сыронизировала Маша.

От юриста ирония – материя ему совершенно чуждая, отскочила, как от стенки горох. Он был по-прежнему невозмутим и серьезен.

«И что там внутри?»

«У меня нет детального перечня находящихся в коробке вещей. И она запечатана, как видите,» – развел руками Игорь Сергеевич.

«Но ведь не бомба, надеюсь,» – снова безуспешно попробовала пошутить Маша.

«Надеюсь,» – согласился с ней молодой человек.

«Игорь Сергеевич, Вам не кажется, что ситуация какая-то дикая? Вы привезли мне коробку неизвестно с чем от человека, с которым я потеряла связь давным-давно и не рассчитывала когда-нибудь увидеть.»

«Таково пожелание клиента,» – равнодушно пожал плечами юрист. – «Позвольте мне на этом откланяться.»

«Да, конечно,» – спохватилась Маша. Её обеденный перерыв тоже заканчивался. Надо было бежать.

«А как она умерла? Отчего?» – сообразила, наконец, поинтересоваться она.

«Я не знаю. Никогда её не видел лично,» – терпеливо пояснил Игорь Сергеевич, надевая перчатки.

Маша проводила добросовестного зануду взглядом до дверей и приподняла коробку. Тяжелая. Итак, мать мертва.

Они не виделись восемнадцать лет. С тех пор, как Маша закончила школу и уехала в город поступать в институт. Она поступила и устроилась жить в общежитии. Мать продала дом и исчезла в неизвестном направлении. Маша не знала, что и думать. Отношения у них были неплохие. Не безоблачные, конечно, но нормальные. И почему мать так внезапно бросила её, словно надоевшую игрушку, Маша понять не могла. Впрочем, весточки от неё в виде денежных переводов приходили регулярно следующие пять лет. И как бы Маша не была зла на мать, отказаться от этих денег она не могла. Стипендия была копеечной, только на оплату общаги и хватало.

А Маша была зла. Эта злость стала навязчивой идеей, лейтмотивом всего её существования. Со злости Маша училась, как проклятая. Благо, поступила на экономический факультет, а не на какой-нибудь инженерный с непроходимыми дебрями математических расчетов. И закончила с красным дипломом. Со злости же Маша сэкономила деньги, предвидя тот момент, когда после окончания института останется без крыши над головой. Со злости она не подпус-

кала людей к себе слишком близко – ни потенциальных подружек, ни мужчин, опасаясь привязаться и снова быть брошенной. Так и жила.

Красный диплом позволил ей устроиться на работу в банк и снова начать откладывать деньги. На квартиру Маша накопила за семь лет. Она была однокомнатной, маленькой, совершенно убитой и тараканистой. Располагалась квартира на первом этаже старой панельной пятиэтажки и обитала в ней раньше бабуля – кошатница, о чем свидетельствовал неистребимый запах. Кошек Маша уже не застала. Видимо, родственники бабули благоразумно разогнали их прежде, чем стали продавать квартиру. А к тараканам Маша была привычна. В общежитии они ходили строем и разве что песен не пели.

Какое же это было счастье! В течении года Маша ремонтировала и обустроивала свои хоромы. Тут же, не выходя из дома, познакомилась с будущим мужем. Паша приехал к ней из мебельного магазина, как специалист по сборке купленной мебели. Процесс этот был быстрым и закончился договоренностью сходить в ближайшую субботу в киношку.

Павел Лавров был её ровесником. К своим двадцати девяти годам от успел отслужить в армии и перепробовать десяток профессий, не требующих специального образования: менеджера по продажам в магазине строительных материалов, установщика пластиковых окон, рабочего на хлебозаводе и даже водителя автобуса. В момент знакомства с Машей он подвизался на ниве сборки корпусной мебели.

Жил Паша с родителями и, похоже, ему это настолько осточертело, что Машино предложение пожениться и переехать к ней, Пашу даже обрадовало. Новость о беременности его почти не удивила. «Че, уже?» – только и сказал будущий отец. «Конечно, уже,» – мысленно огрызнулась Маша. – «Мне скоро тридцатник. Когда же еще? Если не сейчас, то никогда.»

В быту Паша оказался непритязательным: ел, что давали, делал, что велели. А сделав, полночи играл в игрушки на компьютере. Без свадьбы – этого триумфа торжествующей невесты и позора заарканенного жениха – решено было обойтись. Лишних денег у новобрачных не было. Но застолья для ближайших родственников, конечно, было не миновать. Только здесь Маша и познакомилась с новоявленной родней: свекром – точной копией своего сына, только полысевшей, обрюзгшей и с хронически красным лицом; свекровью – высохшей воблой с так плотно поджатыми губами, что между ними нельзя было просунуть и волосок, как между плитками, из которых сложены египетские пирамиды, и целой россыпью штампованных золотых колец на пальцах, призванных продемонстрировать её финансовое благополучие; сестрой Паши, замордованной двумя малолетними шумными хулиганами и радостно потирающим руки в предвкушении попойки мужем.

Известие о Машиной беременности было принято вполне благосклонно.

«Ну так не девочка уже, пора бы,» – прокомментировала его свекровь. Возраст своего сына она оставила без обсуждения.

Маша же раз и навсегда для себя решила свести контакты с новыми родственниками к минимуму, пытаясь на корню пресекать попытки свекрови вмешиваться в их жизнь. Ведь не девочка уже, как правильно заметила свекровь. Получалось неважно.

Жизнь с Пашей плохой не была. Если своевременно давать ценные указания и периодически пинать для скорости, то он делал все от него требуемое. У Маши возникла даже некоторая симпатия к свекрови, железной рукой воспитавшей сына в полном повиновении. И какое-то время после появления на свет Лизы муж был просто необходим, как единственный человек, которого можно было хоть на час выставить на улицу с коляской и перевести дух. Да и жили они три года только на его зарплату.

Но стоило только Маше отдать Лизу в детский сад и немного оклематься после декретного тюремного заключения, как она призадумалась: «А зачем мне муж? Не абы какой муж, а конкретно вот этот – Паша?» Теперь она и сама могла справиться с ребенком. А Паша – это тоже ребенок, только большой, шумный, ленивый, инфантильный, много жрущий днем и

особенно ночью и дико мешающий спать своим храпом, от которого в маленькой квартирке деться было решительно некуда.

Маша переваривала эту мысль года полтора, перекатывая её, словно камешки во рту, созревая для решительного разговора, как тыква на грядке. И, наконец, решилась выставить безмерно удивленного Пашу на лестницу. Опыт с замужеством был признан Машей неудачным, и на матримониальных планах была поставлена точка.

Но теперь у Маши была Лиза. Уже не бездумно орущий сверток, а своенравный человек, познающий мир с энтузиазмом игривого щенка.

Еще одним ценным приобретением была фамилия. Маша с огромным удовольствием выскользнула из своей старой фамилии, словно змея из шкурки, и примерила новую, невзирая на мороку со сменой документов, и прижилась в ней мгновенно, как будто всегда была Лавровой. Вместе со старой, материнской фамилией куда-то ушла и злость на неё. То ли дело было в ребенке, не оставляющем в сердце ни одного чувства, а в голове ни одной мысли. То ли просто время пришло. Ведь все когда-нибудь кончается. Прошла и злость.

Легкое чувство вины перед Пашей Маша задушила в зародыше, решив в этом вопросе быть эгоисткой. Павел – взрослый человек, пусть заботится о себе сам. Авось, проживет и без няньки.

На работе Маша скрывала свое интересное положение до последнего, справедливо полагая, что в коммерческом банке её беременности рады не будут. И первые недель восемнадцать ей это успешно удавалось. Потом тайное стало явным и оставшиеся месяцы Маша работала, постоянно подвергаясь остракизму со стороны руководства. Впрочем, новостью для нее это не было. Так происходило со всеми некстати (всегда некстати) залетевшими сотрудницами. Начальник отделения вызвал Машу к себе и, мямля и не поднимая глаз, сообщил, что после декретного отпуска Маша не сможет остаться в банке: маленький ребенок, постоянные больницы. Ну, Вы же сами все понимаете, Мария Александровна. Маша понимала. Не понимала она только одного: зачем вообще брать женщин на работу? Ведь рано или поздно почти все они уходят в декрет. Избавиться от неудобного сотрудника было не просто, а очень просто. Достаточно было посадить его на официальный оклад, лишив основной части заработка в конверте. Воевать с этой системой – все равно, что писать против ветра. Маша и не собиралась. Донкихотство не для беременных женщин. Уверив облегченно вздохнувшее начальство в своей полной лояльности и отсутствии от нее проблем, Маша спокойно, оберегая свои нервы, доработала до положенного срока, получила декретные и премию в конверте за понимание и осела в декрете. После окончания которого нашла себе тихую гавань в стат. управлении, дожидаясь момента, когда Лиза подрастет и немного развяжет ей руки.

Коробка, заклеенная широким коричневым скотчем, стояла на подоконнике уже несколько дней, а Маша все никак не могла набраться храбрости её открыть. Отчего то казалось, что пока она остается закрытой, можно продолжать жить по-старому. А стоит только распечатать, то из нее, как из ящика Пандоры, посыпятся неприятности. И о прежней, спокойной жизни можно будет забыть раз и навсегда.

У Лизы же коробка вызывала жгучее любопытство. А вдруг там подарки? Или еще что-нибудь интересное? Ведь если так тщательно заклеено скотчем, значит, точно нечто любопытное. Улучив момент, пока мама отмокала в горячей ванне пятничным вечером, Лиза вооружилась ножницами и, прошмыгнув на кухню, покромсала скотч. К её огромному разочарованию, в коробке не оказалось ничего интересного, лишь какой-то горшок с крышкой, вроде цветочного и еще одна картонная коробка меньшего размера. Вскрыть её Лизе не хватило времени. Заметя следы преступления и спрятав улики так ловко, как смогла, любопытная Варвара вернулась к просмотру мультиков.

Маша заметила взлом на следующий день. Делать было нечего. Пришлось открывать ненавистный ящик. Плотный запечатанный горшок, в котором что-то тихонько пересыпалось, вызвал у Маши недоумение. Содержимое же маленькой коробки было мечтой любого кладовщика: деньги и драгоценности. Разложив на кухонном столе аккуратные стопочки тысячных купюр, перетянутых зелеными резинками и весело поблескивающие в свете электрических лампочек побрякушки, Маша притихла. На самом дне коробки обнаружился плотно запечатанный, большой и толстый конверт. Оставив его напоследок, Маша принялась считать деньги. Их оказалось шестьсот тысяч. Все-таки это было наследство. Машина фантазия невольно разыгралась. Можно добавить и поменять квартиру на двушку, или купить простенькую машину, или съездить на море. Лиза не была там еще ни разу.

Украшения: массивная брошь в форме виноградной лозы, серьги и кольцо с красными камнями на взгляд дилетанта выглядели самыми что ни на есть настоящими и старинными. Впрочем, в драгоценностях Маша не разбиралась. Её личный алмазный фонд ограничивался золотыми сережками и тоненькой цепочкой, подаренными мамой еще в школе. Надо было кому-нибудь их показать и узнать настоящую стоимость. Но подходящих знакомых у Маши не было. А деньги надо положить в банк, а то потратит на ерунду.

Оставался конверт. Маша полагала (и надеялась, и боялась), что там письмо от матери. И никак не могла набраться смелости его вскрыть. От тяжелой необходимости её избавил гневный вопль за окном. Позабыв обо всем на свете, Маша бросилась к окну и распахнула его.

Дело было в том, что Лиза гуляла на улице одна. С дочерью неожиданно приключился кризис непослушания. Активно воюя с матерью, Лиза отстаивала свою взрослость и самостоятельность. Одной из поблажек, на которую, содрогаясь от страха, пришлось пойти Маше были самостоятельные прогулки дочери. Гулять Лизе позволялось лишь на строго ограниченном пространстве детской площадки под окном. Площадка была не Бог весть какой, всего то качели, горка и песочница. Но Лиза, в отличие от матери, была счастлива. У Маши же сердце разрывалось от ужаса. Поначалу она вообще от окна отойти не могла, не спуская глаз с ребенка. Но постепенно привыкла, выглядывая в окно лишь каждые три минуты. Лиза вела себя образцово-показательно, отнесясь к обретенной свободе по-взрослому серьезно. С площадки не уходила, бродячих кошек руками не трогала, в лужи залезала умеренно глубоко, инструктаж про чужих дяденек и тетенок помнила наизусть.

Увлечшись этой дурацкой коробкой, Маша позабыла даже о гуляющей во дворе дочери и пока не увидела знакомую красную курточку, сердце её на миг остановилось. Лиза была в порядке. Вопила Галина Степановна – соседка со второго этажа.

Проведя большую часть жизни в военных гарнизонах у черта на куличках в должности мающейся от безделья, поскольку работать было просто негде, жены офицера голосом Галина Степановна обладала зычным, командным, хорошо поставленным, пуская свою иерихонскую трубу в ход по поводу и без. Главная неприятность была в том, что Галине Степановне до всего было дело, а наведение порядка являлось единственной страстью в жизни. Её активная жизненная позиция по всем вопросам без исключения заставляла нервно вздрагивать и озираться собачников, неосмотрительно вышедших погулять с питомцами в собственном дворе; доводила до нервного тика нерадивого соседа, оставившего пакет с мусором рядом с переполненными бачками, содержимое которого собаки с удовольствием разнесли по округе и до бешенства другого соседа, затеявшего ремонт в выходной день, предназначенный для спокойного отдыха.

И ведь в возмущении своем она чаще всего была совершенно права. Но жалость у Маши вызывали почему-то несчастные собачники и замордованные соседи, а не вечно обиженная Галина Степановна.

Сегодня бдительная соседка ревела пожарной сиреной, костеря на чем свет стоит неправильно припаркованный УАЗик. К слову сказать, припарковаться правильно в их более, чем

компактном дворе было в принципе невозможно. Узкая дорожка, идущая вдоль подъездов старой пятиэтажки, не была предназначена для этого изначально, будучи спланированной и построенной в Бог весть каком замшелом году. Автовладельцы, кто во что горазд, распахивали свои драгоценные машины по двору. И каждому из них приходилось выдерживать словесные баталии с Галиной Степановной.

Малодушно порадовавшись, что к ней у активистки сегодня претензий нет, Маша пома-нила пальцем Лизу домой и задернула шторы. Препирательства с Галиной Степановной по поводу детской коляски с грязными колесами, оставляемой Машей ненадолго в подъезде, она до сих пор вспоминала с содроганием. Ну в самом то деле, не могла же она завести в квартиру коляску с ошметками липкой грязи на колесах? В тесной прихожей для коляски места не было, её приходилось провозить через всю квартиру на балкон, а потом замывать полы. Поэтому Маше приходилось сначала заносить Лизу, раздевать её, а потом под аккомпанемент её возму-щенно-голодного рева быстренько мыть колеса и затаскивать коляску на балкон. Объяснить все это в свое время Галине Степановне было так же нереально, как разъяснить тонкости двор-цового этикета гренландскому китобою.

За окном вновь заморосил нудный дождь. Ноябрь – самый унылый и безрадостный месяц в году. Сыро, слякотно, холодно, тоскливо-серо и печально. Все менялось в тот день, когда выпадал снег. Мир за окном мгновенно преображался, становясь празднично-нарядным и радостным. Враз начиналась зима и появлялось предвкушение Нового года. Единственным, что омрачало Маше чудесное ожидание праздников были детсадовские утренники. Их она воз-ненавидела сразу и навсегда. Подготовка к каждому утреннику превращалась для родителей в непроходимый квест, требующий напряжения умственных способностей и душевных сил, а также привлечения материальных ресурсов. Креативные, изобретательные мамы, у которых руки росли из правильного места и наличествовал избыток свободного времени были любими-цами воспитателей. Они за вечер могли изготовить волшебную шляпу, обшить тесьмой десяток народных костюмов, соорудить декорации к спектаклю или сотворить еще что-нибудь, столь же немислимое для Маши. Она рукодельной не была. Маша не шила, не вязала, не вышивала, не могла соорудить из шишек семейство веселых ежиков или букет цветов из пластиковой бутылки. А потому чувствовала себя немного ушибленной на фоне супермам.

До конверта дело дошло только поздно вечером, когда Лиза уже уютно посапывала на диване, на котором они спали вдвоем, а Маша расположилась за кухонным столом с сериалом и кружкой горячего чая.

Милая доченька!

Ты сердита на меня, наверное. Очень сердита. Что ж, имеешь полное право. Знай только – все, что я сделала, было для того, чтобы защитить тебя от того кошмара, в котором я сама прожила всю жизнь.

Я оторвала тебя от сердца и оставила одну, лишь бы она не нашла тебя. Я бежала от этого чудовища много лет назад, будучи совсем еще девчонкой. Потому что меня, наверняка, постигла бы судьба Тани. Ни секунды не сомневаюсь, что она убила её.

Перечитала и поняла – уж больно путано получилось. Не поймешь ничего. Начну ка я сначала.

С Таней мы были сестрами. Она на три года старше. Кто был наш отец неизвестно. Да и один ли он был или разные тоже не ведаю. После войны мужиков мало было, вот мать и родила нас неизвестно от кого.

Жили мы хорошо. Хоть и время было тяжелое, послевоенное. Задуматься бы тогда: с чего это? Да молодая была, глупая. Мать наша Таисия – женщина была яркая, красивая, наряды любила, кавалеров, да хвостом повертеть, как соседки судачили. Работала всю жизнь секретаршей: то тут, то там.

Таня была вся в неё – броская, точно конфетная обертка. От кавалеров отбоя не было. И чем старше и краше становилась Таня, тем чаще возникали у них скандалы с матерью. Сцепятся, ровно две пилы зубьями, и собачатся. А однажды Таня пропала. Милиция и меня опрашивала, и мать, и многочисленных Таниных ухажеров. Да бестолку. В ту же ночь исчезла и мать. Она, правда, вернулась к утру: пьяная, шальная, насквозь прокопченная дымом, до того страшная, что я испугалась её, как никогда в жизни. Мать прижимала к груди стеклянную банку с землей, да так крепко, что рук не разжала даже уснув. А бормотала в угаре такое, что у меня волосы дыбом вставали.

Помню, стояла у её постели, слушала, а руки холодели и ноги окаменели. И с места двинуться не могла. Придавило меня тогда ужасом. Разом поняла я все про свою мать. Обмерла, да все слушала, слушала, не в силах отойти.

«Так ей и надо,» – говорила она. – «Сука малолетняя. Меня за пояс заткнуть хотела.»

«А воняла, ровно свинья,» – невнятно бормотала она. – «Жареная свинья.»

«Мне теперь надолго хватит,» – истерично хохотала она, любовно сжимая банку. – «Все мое. Мое. Пошла прочь Надька. Не трогай.»

«Кто ж знал, что так получится,» – открыв глаза, неожиданно твердым голосом произнесла мать. – «Ты, Надька, слушай меня и получишь в этой жизни все, чего захочешь.»

«А не угодишь,» – схватила мать меня за руку. – «Тоже пеплом станешь.»

Так и поняла я – это мать убила Таню, и что в банке у неё тоже поняла. А, главное, осознала – бежать мне надо. И бежать прямо сейчас, пока она в беспмятстве валяется. Покидала я в сумку вещички кое-какие впопыхах, нашла свои документы и выскочила из дома в ночь.

Восьмилетку я тогда уже закончила. Уехала из дома далеко, как смогла и поступила в техникум. Мать свою Таисию больше не видела, но всю жизнь прожила оглядываясь. Память моя беспокойная словно проснулась и начала подсовывать мне воспоминания, все больше разрозненными кусками, словно осколки одного большого разбитого зеркала. Складывала я их друг с другом, переворачивая и прилаживая и так, и этак.

Вспоминала, как ездили мы в какую-то далекую деревню на похороны дальней родственницы. Столь дальней, что только в домовине я её впервые и увидела. Было мне тогда лет пять или шесть, а Тане, значит, восемь или девять. Уехали мы из деревни сразу после похорон на ночь глядя, да недалеко. Мы с сестрой остались спать в телеге, укрытые вонючим полушубком, а мать с мужиком – возницей взяли лопаты и ушли в ночь. Когда рассвело, они разбудили нас грохотом и матюками. Перемазанную мокрой глиной домовину заволокли на телегу и втиснули рядом с нами. Мы с сестрой жались друг к другу, как пугливые зайцы. Потом мы долго куда-то ехали. А после нас с сестрой оставили в чужом доме. Мать ушла и вернулась утром – грязная, пьяная, провонявшая дымом, с кринкой под мышкой, в какие наливали обычно молоко. Берегла она её пуще глаза, всю дорогу из рук не выпускала. Теперь то я думаю – прах там был. Той старушки, что давеча похоронили, а мать с подельником на погосте выкопали.

Память детская – причуда. Ни разу с тех пор я этой истории не вспоминала. А как снова от матери паленый дух учуяла, так и встала передо мной явственно холодная безлунная ночь, скользкий от влажной глины гроб, что касается моей ноги, запах гари от материнских волос.

Когда я стала постарше, то часто слышала от соседок про дурной глаз моей матери. Мол, если обозлится на кого, то пиши пропало. Или с лестницы человек упадет, или заболевет. Да так, что врачи лишь руками разводят в недоумении. Поэтому и заискивали бабы перед матерью, побаивались, а за глаза называли ведьмою. Тогда-то я отметала эти глупости, словно шелуху от семечек. А повзрослела – призадумалась.

Девчонкой то я думала, что живем мы, как все вокруг. А ведь нет. У нас на столе и кусок всегда был слаще, чем у соседей, и одежда добротнее, и другое – многое. Хоть и старалась мать не высовываться, да не могла сама с собою сладить. Уж больно была ярка, точно павлин в курятнике. Впрочем, не выставлять на всеобщее обозрение те цапки, что ты получишь, ей ума

хватало. Времена были не те. Примеряла лишь изредка, дома, перед зеркалом. Покрутится, повздыхает, да и сложит обратно в сундучок. Часть из ее сокровищ я прихватила с собой при побеге. Думала: понадобятся деньги – продам. Да выкрутилась – не пришлось.

Понаписала я тебе доченька, позапутала. Прочтешь ли, нет, не знаю. Но душу я отвела.

Ведьма она. Мать моя Таисия – ведьма. И зачем-то ей для этого прах усопшего нужен, да не абы какой, а родственный. Подумалось мне: может, чтобы защититься от неё, тоже прах надобен? Вот и распорядилась я собою так. Ты сохрани его доченька, на всякий случай. Не ровен час, и тебе пригодится.

Мама.

О содержимом горшка с крышкой Маша догадалась на середине письма, а дочитав, в замешательстве уставилась на урну. А что думать о странном письме и вовсе определиться не могла. Такое искреннее, простое, немного косноязычное. Маша словно слышала мамин голос наяву. Но вещи в нем описаны какие-то совершенно запредельные. Ведьма, прах, выкопанный труп – сущий бред.

Похоже, писала мать это письмо долго. Да и не письмо это было, а тетрадка. Самая обычная ученическая тетрадка в клетку толщиной 12 листов, с тонкой зеленой обложкой. Мать заполняла её своими каракулями, не пропуская ни строчки, периодически зачеркивая отдельные фразы или целые куски и переписывала их иначе. Судя по замызганности мятой обложки, заняло это у матери немало времени. Маша аккуратно сложила содержимое коробки обратно, включая письмо, закрыла крышку, поставила её на подоконник и пошла спать. Что со всем этим делать, она не представляла.

Воскресное утро началось со звонка свекрови. Повод для звонка у высохшей воблы, как раз и навсегда окрестила её при знакомстве Маша, был весомый. В следующую субботу Лизе исполнялось семь лет, и заботливая бабушка заранее беспокоилась о подарке внучке, а потому и звонила Маше. «Которая, конечно, лучше знает, что нужно ребенку,» – подлила патоки в свою речь Тамара Ивановна.

На самом деле, разумеется, дело было не в подарке. Свекровь рассчитывала на большое семейное застолье по этому поводу со всей родней, организовать которое – святая Маша обязанность. Для Тамары Ивановны шумные, многочисленные, домашние попойки были своеобразным способом контролировать жизнь своих отпрысков и членов семьи. Звание это было пожизненным, бывших членов семьи для свекрови не существовало. Пригласили ее в гости, хорошо угостили, за подарки подобострастно поблагодарили – значит, все хорошо, не вышли еще из-под её неусыпного контроля. Вот такая колониальная политика.

Бдительное «око Саурана» за Машей надзидало с особым пристрастием. Та легкость, с которой бывшая невестка выставила её сына за порог, Тамару Ивановну потрясла. Как же так? Маше уже далеко за тридцать (считай – старуха), малое дитё на шее (а ни одному другому мужику чужой ребенок не нужен, как известно), зарплата – так себе. Да в такое сокровище, как Паша, она должна была двумя руками вцепиться и крепче держаться. Кому еще она такая нужна, спрашивается? А Маша – паршивка, выставила его за дверь, словно ссанный матрац, как только острая надобность отпала.

И к ней – Тамаре Ивановне никакой почтительности не проявляет. Позвонит раз в год, с днем рождения поздравит и все. От приглашений в гости под любым предлогом уваливает и к себе не зовет. Лизу, правда, отцу дает, не прячет. Но кому она нужна, Лиза то? Что путного от нее узнаешь? Так, маета одна: покорми, погуляй, подарок купи, в кино или на карусели своди, – одни расходы ненужные.

Для Маши во время её недолгого замужества семейные попойки были сущим кошмаром. Не окажись все эти неприятные люди волею случая её родственниками, она по доброй воле никогда в жизни не стала бы с ними общаться. Маша оказалась в ловушке. С одной стороны,

всю эту жадную и голодную свору, безуспешно пытающуюся ей помыкать, она терпеть не могла. С другой стороны, это единственные кровные родственники ее дочери, и переругаться с ними в пух и прах Маша опасалась. Мало ли как жизнь повернется. Вдруг Маша завтра попадет под машину. Тогда Лиза окажется на попечении отца и, главное, свекрови, чье плохое отношение к матери будет проецироваться и на дочь. А другой родни у Лизы нет. Теперь уж это точно.

Поэтому, скрипя зубами, со свекровью Маша разговаривала вежливо. Та сразу взяла быка за рога.

«Надеюсь, с следующую субботу праздник начнется не слишком поздно. Часа в четыре нам было бы удобно. Раньше сядешь – раньше выйдешь, как говорится. И не покупай водку, дорогая. Лишние расходы. Мы лучше самогоночки привезем – продукт домашний, проверенный. А если не будет хватать стульев, предупреди заранее. Паша может завезти тебе недостающие в пятницу вечером. И обязательно приготовь тот салат с рыбой. Все забываю взять у тебя рецепт. Так что с подарком, Маша? Я думаю о чем-нибудь полезном. У Лизы есть зимние сапоги?» – закончила вопросом свой монолог свекровь, во время которого Маша не смогла вставить и слова.

«Зимние сапоги у Лизы есть, спасибо, Тамара Ивановна,» – начала Маша и, набрав воздуха в грудь продолжила. – «Но мы с Лизой не планировали ничего особенного.»

«Чушь,» – безапелляционно отmelda свекровь. – «Нельзя лишать ребенка праздника.» От её менторского тона у Маши сводило скулы, будто от ведра кислых слив. Она выдохнула и вежливо, но непреклонно продолжила: «Я не лишаю ребенка праздника, Тамара Ивановна. Лиза пригласила подружек из детского сада. Как раз в субботу. Они поиграют, потанцуют, поедят сладостей. Для Лизы это будет гораздо интереснее и веселее, чем застолье со взрослыми.»

Свекровь фыркнула в трубку презрительно, словно лошадь, и привела последний аргумент: «Чепуха. Мария, ты лишаешь Лизу общения с отцом.»

«Вовсе нет, Тамара Ивановна, Паша может взять Лизу в воскресенье и отметить день рождения, а может прийти и поздравить в субботу, заодно поможет мне управиться с детьми. А потом мы с ним посидим на кухне, выпьем чаю и обсудим, в какую школу отдавать Лизу. Давно пора это сделать. Сейчас ведь сложно попасть в хорошую школу, нужно где-то там записываться, да ночами в очереди стоять,» – методично расправлялась с «хотелками» свекрови Маша, получая даже некоторое злорадное удовольствие от происходящего. Лучший способ избавиться от Тамары Ивановны – загрузить ее своими проблемами. Ни один из предложенных вариантов её, разумеется, не устроил.

«Ну это вряд ли. Мы на выходные в деревню поедem. До свидания, Мария,» – ядовито попрощалась свекровь, позабыв уже и о внучке, и о подарке.

«Как же, в деревню. В конце ноября,» – подумала Маша. Отбрыкаться от постылой пьянки вежливо не удалось. Если подумать, то разве могло быть иначе с Тамарой Ивановной? Раз Маша не делает того, чего она хочет, то быть им в контрах на веки вечные, как зайцу и волку.

День рождения проходил на «ура». Пробудившись утром первой, Лиза выглянула в окно и тут же разбудила маму восторженным ревом: «Снег! Снег выпал! Мам, вставай, посмотри.» Лиза бесцеремонно стаскивала Машу за ногу с дивана. Пришлось вставать и восторгаться. Было и правда красиво. При температуре воздуха около нуля снег медленно падал большими мокрыми хлопьями, быстро покрывая все горизонтальные поверхности: крыши гаражей, машины, лавочки, горку, ветви деревьев во дворе. Вот только на земле не задерживался, немедленно превращаясь в противную вязкую слякоть.

Полученный прямо с утра подарок от мамы – долгожданные коньки – новенькие, белоснежные, жесткие, тускло поблескивающие лезвиями, – первые в Лизиной жизни, привели её

в восторженное состояние. Носясь по дому и путаясь у Маши под ногами, словно игривый щенок, она с замиранием сердца ожидала гостей с другими подарками.

По разрушительной силе с компанией детей (пять девочек и один мальчик – верный друг Макарушка) может сравниться только ураган «Катрина». Она не переставая галдела, кричала, смеялась, визжала на протяжении четырех часов. Маша было малодушно спряталась на кухне, но оставлять это татаро-монгольское нашествие без присмотра было ни в коем случае нельзя. Поначалу она пыталась направлять бьющую фонтаном энергию в какое-нибудь безвредное русло, вроде танцев, но потом махнула рукой. Это было равноценно попытке оседлать дикого мустанга.

В конце концов дети затеяли игру в прятки. Прятаться в маленькой однокомнатной квартире было решительно негде. Залетев на крохотную кухню, где нашла себе временный приют Маша, расшалившаяся Лиза лихорадочно закрутила головой: «Мам, спрячь меня. Скорее!»

«Лизун, ну где тут прятаться? Закройся в ванной комнате.»

«Ты что, мам,» – возмутилась именинница. – «Там Макар меня сразу найдет.» Насупившись, она оглядела кухню и просияла. Дочь бросилась к подоконнику, отдернула плотную штору прочь и начала карабкаться на него, намереваясь за нею и спрятаться. Плотные шторы для каждого окна были необходимостью, иначе Маша чувствовала себя дома, будто рыбка в аквариуме. Ведь нет ничего более интересного для праздно прогуливающих пожилых соседей, чем заглядывать в окна и обсуждать чужую жизнь за неимением своей. Маша и ахнуть не успела, как Лиза неловким движением спихнула на пол стоявшую там картонную коробку. Та немедленно свалилась на пол, крышка отлетела вперед, керамическая урна выкатилась, ударилась о ножку стола, треснула и раскололась на несколько частей. Черное облако её содержимого взметнулось вверх и на глазах ошеломленной Маши стало оседать на стол, полы, подоконник, присыпав заодно испуганную катастрофой Лизу, немедленно начавшего чихать кот и, конечно, Машу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.